

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д67

Оформление серии художника *В. Щербакова*
Иллюстрация художника *В. Остапенко*
Под редакцией *О. Рубис*

Донцова, Дарья Аркадьевна.
Д67 Созвездие жадных псов ; Канкан на поминках / Дарья Донцова. — Москва : Эксмо, 2019. — 704 с.

ISBN 978-5-04-104632-3

Созвездие жадных псов

Волей рока я, Евлампия Романова, опять втянута в расследование загадочного убийства соседа по даче академика Славина. Убили его в кабинете Академии высшего образования. Он был там один. Причем вначале его застрелили, а потом, уже мертвого, ударили ножом. Говорят, Славина любили все. Даже его многочисленные жены и чада жили с ним в одном доме. Его дочь Ребекка просит меня найти убийцу отца — ей кажется, что это кто-то из близких. Ведь только они знали о тайном ходе в его кабинет...

Канкан на поминках

Боже! Такой ужас мне и в страшном сне не мог присниться! Нашего друга и соседа Володю Костина посадили в Бутырку по подозрению в убийстве любовницы! Его друг и сослуживец Слава Рожков организовал мне встречу с Володей в тюрьме. Слава просил меня уговорить майора на чистосердечное признание — все улики были против него. Но тот не согласился. А через несколько дней Костин попал с инфарктом в тюремную больницу и там умер. Не будь я Евлампия Романова, если не восстановлю доброе имя майора и не найду истинного убийцу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104632-3

© Донцова Д.А., 2019
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

● Созвездие
ЖАДНЫХ ПСОВ

ГЛАВА 1

Ласковое летнее солнышко заглянуло в окно. Я чихнула и сладко потянулась в кровати. Как хорошо, что сегодня нет дождя, и как хорошо, что мы наконец переебрались на дачу. Можно не торопиться вставать, Кирюшка и Лиза закончили учебный год, и в школу им не надо. Во дворе, радостно лая, носились наши собаки. Вот уж кому отлично в Подмосковье, так это детям и животным, раздолье, гуляй — не хочу. Но отчего-то ребята сидели в доме, на первом этаже. Я слышала громкий голос Лизы:

— Кирилка — дурилка!

— Сама такая, — огрызнулся мальчик.

— Кирилл — дебил!

Послышался грохот, очевидно, мальчишка кинулся на обидчицу, но девочка ловко выскочила в окно и заорала уже со двора:

— Кирюшка — хрюшка, Кирюшка — говнюшка!

Кирилл высунулся в окно и решил достойно ответить:

— Лиза... Лиза... Лизавета...

— Ну, чего? — подпрыгивала вредная девчонка. — Обломалось? Что — Лиза? Ну, давай!

— Да, — заныл Кирюшка, — к твоему имени ничего и не придумаешь, сложно очень!

8 — Вот и хорошо, — заявила девица, — зато с твоим такие рифмы получаются! Кирюшка — соплюшка, Кирка — дырка, Кириотто — идиотто...

— Ну погоди, — пригрозил окончательно выведенный из себя мальчик, — получишь!

— Догони сначала, — хмыкнула Лизавета и, вскочив на велосипед, вылетела за ворота, распевая во все горло:

Вот кто-то с горочки спустился,
наверно, Кирочка идет,
на нем слюнявчик и штанишки,
ах, он с ума сейчас сойдет!

Кирилл выбежал во двор и горестно вздохнул. Обидчица была намного проворней. К тому же ее велосипед благополучно переночевал у крыльца, а Кирюшка загнал своего железного коня в гараж, и теперь ему предстояло открывать замок, раскрывать ворота — целое дело.

Я высунулась из окна и увидела его растерянную физиономию.

— Не расстраивайся так, дружочек, еще поймаешь!

Кирюшка поднял вверх голову и сердито ответил:

— Все ты виновата, разрешаешь Лизке безобразничать, говоришь, девочкам уступать надо... И чего вышло из хорошего воспитания-то? Одна глупость. Вот наподдать ей пару раз по шеям, живо заткнется!

— Мужчина не имеет права бить женщину!

— Глупости, — фыркнул Кирюша, — сейчас все равны. А она имеет право дразниться? Что-то в твоих рассуждениях не так. И вообще, тебя воспитывали слишком давно, тогда даже компьютера не было, а ведь дети теперь другие. Вот найду Лизавету и уши оборву.

— Ты ее сначала поймай, — хихикнула я и пошла завтракать.

Кирюшка находится в том славном периоде, который ученые-психологи называют красивым словом

«пубертат». А если попроще — это время редкостной подростковой вредности, когда еще не оперившийся птенец хочет получить взрослые права, обладая привилегиями ребенка. Правда, на Кирюшку грех жаловаться — он не курит, не пьет, не употребляет наркотики и не нюхает клей. Просто порой с ним невозможно договориться, и он нагло требует объяснения всем моим запретам. Нельзя до четырех утра смотреть видик. Почему? Каникулы ведь, завтра посплю до обеда. Не надо начинать день с шоколадки, лучше съесть овсянку. Это еще что за дурь! Живот заболит? Так он мой, я его хозяин, поболит и успокоится. Не следует ходить под проливным дождем без куртки! Вот уж глупость так глупость! Подобные идиотства приходят в голову только ненормальным тридцатилетним старикам.

Впрочем, у Лизаветы тоже свой набор «приятных» возрастных особенностей. По пять раз на дню она переходит от слез к хохоту и может три часа провести у зеркала, меряя наряды. Наконец, когда гардероб исчерпан, последняя тряпка с воплем зашвыривается под стол, а Лиза громко стонет:

— Ужас, я жирная, мерзкая корова, волосы торчат в разные стороны, а глазки как у поросенка. Фу, просто повеситься хочется.

К слову сказать, она вполне симпатичная девочка и лет через пять обязательно превратится в лебедя. Но пока это гадкий утенок, у которого, Впрочем, полностью отсутствуют терпение и смирение.

Несмотря на то что Лиза и Кирилл живут в одной семье, они не близнецы, не двойняшки и даже не родственники. Мы просто живем все вместе, а я им не мать, вернее, не я их родила.

Кирюша — сын моей ближайшей подружки Катюши. Катюша работает хирургом, у нее есть еще один сын — двадцатипятилетний Сережа. Сережа женат, и он, и его супруга Юлечка живут вместе с Катериной в Америке,

10 где подруга работает по контракту в госпитале.
Кирюшка остался со мной.

Я не буду утомлять вас долгими подробностями того, почему мы с Катей живем вместе. Своей семьи у меня нет, я в разводе, а детей не получилось, так что Кирюша и Лизавета — мои единственные чада.

Лиза оказалась у нас случайно. Ее отец, известный писатель Кондрат Разумов, трагически погиб, а мать оказалась от девочки еще в младенчестве. Я же работала у Разумова экономкой, и как-то так вышло, что Лизавета осталась со мной. Преодолев всевозможные трудности, я сумела оформить опеку над девочкой, и наше щедрое государство платит мне целых сто восемьдесят рублей в месяц. Считается, что на эти деньги я прокормлю, одену и выучу сироту. Но мы не горюем. Во-первых, Катюша и Сережа зарабатывают в Майами столько, что нам всем хватит с лихвой. Во-вторых, я, не желающая сидеть ни на чьей, даже очень дружеской шее, работаю. Надо признаться, что со службой у меня постоянно происходят казусы. К сожалению, я обладаю редкой, но абсолютно ненужной в наше время профессией арфистки. Но господь не дал мне таланта, и карьера музыканта не удалась. А больше я ничего делать не умею, кроме одного — читать детективы. Наверное, у меня как-то по-особому сконструированы мозги, потому что преступника я вычисляю сразу, на первых сорока страницах.

Однако весной этого года мне повезло. Встретила случайно в метро сокурсника по консерватории Диму Ковалева. Он тоже не сделал музыкальной карьеры. Димка — скрипач из третьесортных, не Владимир Спиваков. Обрадовавшись нечаянной встрече, мы сели на скамеечку, и Дима с горечью поведал:

— Ну ты не поверишь, чем я занимаюсь. Вместе с Ванькой Лыковым и Ленкой Медведевой играем на свадьбах и всевозможных тусовках. Помнишь, Ваньку и Ленку?

Я кивнула. Мы обменялись телефонами 11
и расстались, но через неделю Димка позвонил
и взмолился:

— Помоги, Романова! Ленка замуж вышла и уехала
из Москвы в Германию, будь другом, а?

— Чего надо-то?

— Ну поиграй с нами недельку, пока кого отыщем,
заказов набрали на месяц вперед, выручи, сделай ми-
лость.

— Да зачем вам арфа?!

— И впрямь ни к чему, — вздохнул Ковалев, — на
синтезаторе сможешь?

— Ну, если порепетировать...

— Давай, давай, — ответил Димка, — пятьсот баксов
запросто настукаешь, нас хорошо знают, клиентов —
море.

Я согласилась и теперь таскаюсь с парнями. «Джаз-
банд» наш состоит из гитары, саксофона и «Ямахи». Честно говоря, звуки, льющиеся с эстрады, ужасающи. Медведь, мартышка и кто-то там еще, решившие соста-
вить квартет, явно играли лучше нас. Но наши клиенты
мало что смыслят в музыке. На свадьбе, как правило,
требуется вначале громко сыграть марш Мендельсона,
который в переложении на наши инструменты звучит
весьма оригинально, а потом все быстро бегут за стол,
напиваются и начинают плясать под любую музыку.
Главное, знать три народных хита — «Мурка», «Калина
красная» и «Зайка моя». Остальное никого не волнует.
Народ частенько просит:

— Быстренькое давай, чтоб попрыгать.

Или наоборот:

— А медленно можете?

Мы «могем», клиенты довольны и передают Димин
телефон по эстафете. Мне даже нравится эта работа.
Кругом веселые лица, и нас всегда хорошо угощают.
Одна беда: Ванька и Димка большие любители выпить,

12 и приглядывать за ними надо вовсю. Один раз мне пришлось в одиночку солировать, слушая мощный храп других оркестрантов, свалившихся прямо на пол. Правда, гости на свадьбе, бывшие в том же состоянии, так и не поняли что к чему.

Дача, на которой мы сейчас живем, принадлежала еще моим родителям. Место чудесное — Алябьево, всего в двадцати минутах езды от Москвы. К нам домой от дачи доехать быстрее, чем из какого-нибудь Теплого Стана или Северного Бутова.

Дом отличный, комнат много, горячая вода, газ, ванна, туалет и даже телефон. Мой отец был крупным ученым, работал на военно-промышленный комплекс — занимался ракетостроением. Как доктор наук и академик, он имел право на государственную дачу, и моя мама, певица, долго отговаривала папу от строительства собственной фазенды, но отец, тихий, какой-то незаметный в семейной жизни человек, на этот раз перекричал маменьку, певицу, обладавшую на удивление громким голосом.

— Не говори глупости, — вспылал он, — девочка растет, вот умру я, и вас с казенных метров наутро турнут, а так ребенку дом останется.

Мама фыркнула:

— Мы проживем до ста лет и скончаемся в один день.

Но, к сожалению, прав оказался папа, он ушел из жизни рано, впрочем, многие его коллеги тоже. Их вдовы иногда приезжали в Алябьево, пили чай на круглой веранде и вздыхали:

— Все-таки, Андрей — умница, вперед смотрел, нас-то давно погнали, негде и отдохнуть.

У Алябьева масса достоинств. Чудесный воздух, речка, городские условия... К тому же отец мой, хоть и ученый, имел в шкафу генеральскую форму, а Никита Сергеевич любил военных и своих любимцев не обижал. Поэтому участки у нас гигантского размера, честно говоря, мы и сами не знаем, что в конце, просто ни разу не

13
доходили до забора. Ближайшие соседи — генералы Рябов и Соколов — живут вроде рядом, но нам не видно даже света от их особняков.

Всем хорошо Алябьево, но есть у него один недостаток. Электричка доезжает только до Переделкина, дальше можно на маршрутном такси или автобусе добраться в писательский городок, а уж от него приходится топтать пешком через лес и поле. Ей-богу, из Москвы добираться быстрее, чем бежать от станции к даче. Писателям повезло, их дома тянутся невдалеке от дороги, и любая попутная машина с радостью подвозит их за копейки. В сторону дач военных автомобили редко ездят. Впрочем, у Кати и Сережи есть свои машины, но я не умею водить, хотя сегодня у меня знаменательный день. Ровно в пять часов вечера я должна впервые сесть с инструктором за руль. Надо же в конце концов научиться.

Зевая, я сползла вниз и принялась пить кофе. Кирюшка мрачно смотрел телевизор.

— Иди погуляй.

— Не хочу, — огрызнулся он.

Тут примчалась Лизавета, вместе с ней Костя Рябов, и мучение Кирюшки возобновилось. Как только они его не обзывали! Я даже вынуждена была заступиться за бедного мальчика:

— Прекратите издеваться над Кирочкой.

— Ой, — взвизгнула Лизавета, — прикол, Кирочка! Вот класс, в голову не пришло! Иди сюда, Кирочка, завяжем бантик.

— И юбочку нацепим, — залился хохотом Костя.

Внезапно Кирюшка побагровел, подскочил на стуле и треснул кулаком по столу. Из чашек выплеснулся чай и растекся по клеенке.

— Хватит, надоели! И впрямь имя-то у меня дурацкое. Пришла же маме в голову идея. Одного ребенка нормально назвала — Сережа, а другого по-кретински обозвала!

14 — Очень даже красиво, — попыталась я исправить ситуацию, — Кирилл и Мефодий азбуку придумали...

— Мефодий, — заржал Костя, — сейчас умру.

— Знаешь, Лампа, — пробормотал Кирюша, — иногда лучше жевать, чем говорить.

— Но живу же я со своим именем и ни на кого не обижаюсь, — не сдавалась я.

Дело в том, что меня зовут Евлампия. Вернее, родители дали мне имя Ефросинья, и в детстве я натерпелась еще больше Кирюшки. В классе сидело штук пять Лен и столько же Наташ. Кстати, во всей школе не было девочек с именем Фрося. Да что там школа, не нашлось ни одной тетки даже в консерватории, а у нас там было предостаточно чудаков. Имя не нравилось мне до зубовного скрежета.

На первом курсе нас отправили в колхоз и расселили по избам. Каждое утро, около шести, наша хозяйка выходила во двор и орала как оглашенная:

— Фрося, Фрося, Фрося...

В первый раз я, услышав вопль, мигом вылетела из комнаты:

— Что случилось?

— Ничего, — ответила баба.

— Но вы же звали: Фрося, Фрося...

— Ну и что? Козу кликаю, выгонять надо, пастух идет...

Мучения мои продолжались и тогда, когда началась концертная деятельность. Стоило конференсье завести:

— А сейчас на сцену приглашается молодая, но очень талантливая артистка с чудесным русским именем Ефросинья. Фрося...

Зрители, отлично помнившие одну из самых смешных советских комедий, как правило, начинали выкрикивать:

— Бурлакова! Фрося Бурлакова!

И начинался хохот, попробуйте сыграть после этого серьезное произведение! Да все ждали, что я сейчас пушусь впрыскаду вокруг арфы.

В конце концов, я обозлилась, решила начать жизнь сначала, убежала от нелюбимого мужа и заявила Кате, Сереже, Юле и Кирюше, что меня зовут... Евлампия. Уж не знаю, почему на ум взбрело это имечко. Теперь домашние зовут меня Лампа, Лампочка, Лампец, Лампидудель... Но отчего-то глумление совершенно меня не трогает, может, я просто повзрослела? Или, вернее, состарилась. Так что Кирюшу я понимаю очень хорошо.

— Кирочка-дырочка, — пропела Лиза.

Кирилл побагровел, встал и категоричным тоном заявил:

— Все! Меняю имя!

— Как? — удивилась я.

— Так, — ответил мальчишка, — вот паспорт получу и назовусь...

— Ну, — хором спросили мучители, — как? Как?

Кирюшка выпалил:

— Ричард! И имейте в виду, теперь я буду откликаться только на это имя. Ричард, и точка.

— Львиное Сердце, — пробормотала я.

— Именно, — обрадовался Кирилл, — Ричард Львиное Сердце!

В этот момент зазвонил телефон. Я схватила трубку.

— Алло!

— Ой, Лампочка, — забубнила наша близкая приятельница Алина, — как здорово, что застала тебя, будь другом, помоги.

— Что надо делать?

— Машку, балбеску, перевели в музыкальной школе в третий класс только с условием, что она за лето ответит на тест, причем правильно. Но ей, сама понимаешь, этого никогда не сделать. Там такие вопросы! Дайте определение гармонии! Ну за каким чертом современным детям знать о гармошке!

— Гармония — это не гармонь, — попыталась я объяснить Алине.